

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Иммануил Кант умер 12 февраля 1804 года. К 200-летию со дня смерти ученого кафедры философии Института философии и права УрО РАН приурочила проведение «круглого стола» «Философия Канта и современность», который состоялся 3 марта 2004 года. В нем наряду с членами кафедры и учеными УрО РАН приняли участие ведущие обществоведы г. Екатеринбурга.

Откликаясь на мою просьбу, с основным докладом «И. Кант — человек науки» выступил заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор философских наук Исаак Яковлевич Лойфман. Мне, да и многим другим уральским философам, была уже хорошо известна инициатива Исаака Яковлевича провести Всероссийскую научную конференцию «Аксиология научного познания», в программе которой ключевое место отводилось разделу, посвященному вкладу И. Канта в понимание сопряженности гносеологических и аксиологических измерений научного разума. Предполагалось, что работой конференции по этой проблематике российские философы смогут достойно почтить память великого кёнигсбергского мыслителя.

Поскольку конференция была запланирована на середину декабря 2004 года и в запасе имелось еще время для раздумий и дальнейшей подготовки, выступления на «круглом столе» носили предваряющий и иницилирующий характер. Никто из участников «круглого стола» не представлял себе тогда всей его значимости, которая стала открываться уже по прошествии нескольких дней и которую еще предстоит осмыслить.

И. Я. Лойфман, как я теперь понимаю, так легко откликнулся на мое приглашение не случайно. Его понимание идейных основ философии Канта не стояло на месте и пуждалось в апробации. Об этом говорил, в частности, и тот факт, что Исаак Яковлевич предварительно заявлял название своего доклада как «Познавательные отношения и абсолютные ценности научного разума (читаю Канта)», но на заседании кафедры тема выступления звучала как «И. Кант — человек науки». И прощаясь со мной после окончания «круглого стола», Исаак Яковлевич еще раз подчеркнул важность своей поправки и был доволен новым найденным поворотом темы. Действительно, для такого переименования доклада имелись веские основания. В пафосе выступления И. Я. Лойфмана явственно про-

звучала идея, что за тремя интенциями научного разума, о которых говорил Кант, — стремление к истине, стремление к благу и стремление к продуктивной критике как конечному выражению интеллектуальной свободы — стоит масштабная личность основоположника немецкой классической философии.

Можно даже утверждать большее. Те, кто слушал этот удивительный доклад, могут это подтвердить. Исаак Яковлевич начал свое выступление фразой Г. Гейне о том, что «изложить историю жизни Канта трудно, ибо нет у него ни жизни, ни истории». «Но, — продолжал Исаак Яковлевич, — существует история духовной жизни немецкого мыслителя, главными событиями которой являются мысли, идеи, философские труды». Здесь и во всех последующих словах Исаака Яковлевича, теперь мне это слышится вполне отчетливо, его позиция сознательно растворялась в теоретической и жизненной установках Канта. В дальнейших выступлениях на «круглом столе» звучали мотивы позиционирования исходным положениям философии Канта, Исаак Яковлевич же максимально сближал свою точку зрения с кантовской, выступал как бы от лица автора трех «Критик». В этом состояла особая, скрытая от большинства эмоциональность и всеми чувствуемая весомость речи Лойфмана, столь характерная для его устных выступлений перед академической аудиторией.

Подводя итог состоявшемуся обсуждению, Исаак Яковлевич, глубокий знаток и любитель афоризмов, сказал, что, хотя философская система Канта и принадлежит истории, но из прошлого «нужно брать огонь, а не пепел». Вот этот «огонь» учения Канта нам сегодня крайне необходим.

За многие годы Исаак Яковлевич впервые оказался на нашей кафедре, но ни на минуту не задержался после «круглого стола». Он, как потом оказалось, спешил на запланированную встречу с давней своей ученицей для обсуждения ее научной работы. Исаак Яковлевич в последние годы был особенно востребован многочисленными его последователями в науке, которых он в разное время увлек романтикой познания.

5 марта Исаак Яковлевич поздравил женщин своей родной кафедры — кафедры философии и культурологии ИППК при УрГУ — с наступающим праздником 8 Марта. Он читал стихи, шутил и смеялся, а дома около 16 часов его сердце вдруг остановилось навсегда. Земной мир покинул Человек Науки, но остались его мысли, идеи, философские труды, имеющие огромный правственный потенциал, призывающие нас — его учеников — продолжить слово и дело своего Учителя.

Спланированная Исааком Яковлевичем Всероссийская конференция состоялась 10—11 марта 2005 года. Она приобрела мемориальный характер и вошла в историю как «Первые Лойфмановские чтения».

Ниже вниманию читателя предлагаются последняя работа И. Я. Лойфмана «Познавательные отношения и абсолютные ценности научного разума (читая И. Канта)», которая легла в основу его доклада на «круглом столе» «Философия Канта и современность» на кафедре философии Института философии и права УрО РАН, а также материалы конференции «Первые Лойфмановские чтения: Аксиология научного познания», вобравшие в себя отсвет творческого замысла ее Организатора, редакторские пожелания и замечания которого были учтены всеми авторами настоящего издания.

*Ю. И. Мирошников,*  
д-р филос. наук, зав. кафедрой философии  
Института философии и права УрО РАН

И. Я. Лойфман

## ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И АБСОЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ НАУЧНОГО РАЗУМА (ЧИТАЯ И. КАНТА)

Развивая в контексте диалектико-материалистической философии фундаментальную идею И. Канта об активной роли субъекта в познании, можно утверждать, что научный разум как познавательная способность человека и выражение его познавательных потребностей раскрывается во взаимодействии субъекта и объекта. Познание объекта как такового, «самого по себе» и его оценка, определение значимости объекта для субъекта, друг друга обуславливают и вне этого взаимного отношения просто не существуют. В сущности, познавательные отношения научного разума являются ценностно-познавательными, а его ценностные отношения являются познавательно-ценностными. В реальном процессе познания оба типа отношений нераздельны, представляют собой единство противоположностей, через диалектику которых «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»<sup>1</sup>.

Сопряженность гносеологических и аксиологических измерений научного разума представлена в ценностных регулятивах на-